

Ю. С. ГАГЛОЙТИ

**СВЕДЕНИЯ СТРАБОНА О ГОРЦАХ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ИБЕРИИ**

(Известия ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева. Вып. XXXV, 1998)

Первые достоверные известия письменных источников о южных осетинах относятся к последним векам до н. э. Это был период интенсивной инфильтрации сарматских племен в горы Центрального Кавказа, сопровождавшийся их оседанием и на южных склонах Главного Кавказского хребта. В своем описании Иберии, государственного образования, существовавшего на территории Восточной Грузии и Южной Осетии, известный древнегреческий географ Страбон (64 г. до н. э. – 23 г. н. э.), один из наиболее информированных античных авторов по Кавказу, пишет: «Равнину (страны) населяют те из иберов, которые занимаются преимущественно земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски; горную же часть занимает воинственное большинство, в образе жизни и по обычаям сходное со скифами и сарматами, **с которыми они находятся и в соседстве и в родстве** (подч. нами. – Ю.Г.); впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги собирают много тысяч воинов как из своей среды, так и из числа тех народов (XI, 3, 3)», т. е. скифов и сарматов.

Из приведенных данных Страбона совершенно четко явствует, что население равнинной и горной частей Иберии отличалось друг от друга не только образом жизни, обычаями и хозяйственной деятельностью, но и этнической принадлежностью – горцы Иберии были родственны не равнинным иберам, а северокавказским скифам и сарматам, граничившим с ними с севера. Такая трактовка сведений Страбона, в точности соответствующая содержанию описания Иберии греческим географом, отнюдь не является новой. Именно так понимали сообщение Страбона о горцах Иберии исследователи, не отягощенные политическими и околонучными интересами, в том числе такие видные представители грузинской историографии, как А. Цагарели и академик С. Джанашия¹. Наличие сарматского, а несколько позднее аланского населения в последних

веках до н. э. к югу от Главного Кавказского хребта подтверждается и данными других античных авторов, в частности – Плиния и Клавдия Птолемея.

На основании вышеприведенных данных Страбона, других античных авторов и грузинских летописей автор этих строк пришел в свое время к выводу о том, что под родственными скифам и сарматам горцами Иберии «следует видеть прежде всего алан, овсов (осов) грузинских источников»². Этот же вывод, несколько более подробно аргументированный, содержится и в соответствующем разделе первоначального варианта первого тома «Очерков истории Юго-Осетии», который был запрещен к открытому распространению и смог увидеть свет в 1969 г. только в виде макета. Причина – открытое противодействие ряда ведущих историков Института истории, археологии и этнографии АН ГССР содержащейся в «Очерках» трактовке истории формирования южной ветви осетинского этноса. Однако дальнейшее изучение этого вопроса лишь подтвердило правоту предложенного вывода.

В древнегрузинских летописях, в частности у Леонтия Мровели (XI в.), автора «Жизни картлийских царей», население Центрального Кавказа, в состав которого входила и территория расселения горцев северного и южного склонов, обозначается общим наименованием «кавказни» или «кавказианни», т. е. кавказцы. По справедливому замечанию акад. Корнелия Кекелидзе, термином «кавказианни», означающим «жители Кавказских гор» у Леонтия Мровели обозначены «племена, населяющие северную часть Закавказья, именно сарматы, савроматы и аланы (осетины) греко-армянских списков... Под жителями Кавказских гор, должно полагать, Леонтий разумел не одних только сарматов, савроматов и аланов»³.

Действительно, термином «кавказианни» у Леонтия Мровели наряду с племенами скифо-сарматского этноязыкового круга обозначается и часть древневайнахских племён, в частности – дурдзуки. Однако в современной грузинской историографии превалирует мнение о том, что под именем «кавказианнов» грузинских источников подразумеваются исключительно племена вайнахского этноязыкового круга, хотя такой вывод полностью противоречит данным письменных источников и, естественно, не выдерживает критики. К примеру, Г. В. Цулая, не отрицая, что «в источниках генеалогической таблицы Мровели кавказианам соответствуют сарматы, савроматы (в древнеармянском к ним добавлен этноним аланы), тем не менее считает, что грузинский термин можно признать эквивалентом последних весьма условно». По его мнению, в хронике Мровели под кавказианамй имеются в виду «исключительно аборигены Северного

Кавказа», а аланы (сарматы, савроматы) «соответствуют этнониму **овсы** и противопоставлены местным аборигенам»⁴.

Не подлежит сомнению, что под этнонимом **овсни** действительно скрываются аланы и их этнические предки в лице сарматов (савроматов) и скифов. Но из этого вовсе не следует, что под кавкасианами грузинских источников имеются в виду исключительно «аборигены», да к тому же лишь Северного Кавказа, а не Центрального Кавказа в целом и преимущественно его южных склонов. Во-первых, об аборигенности или «пришлости» древних племен как Северного, так и Центрального Кавказа в рассматриваемый период вообще не приходится говорить, поскольку существование «иберийско-кавказской семьи языков», если таковая и существовала, отделено от рубежа н. э. несколькими тысячелетиями и не может быть доказано методами сравнительно-исторического языкознания (Климов, Меликишвили, Дьяконов). Во-вторых, и это еще более показательно, тезис о принадлежности к кавкасианам исключительно вайнахского (кистинско-боцбийского) языкового круга полностью противоречит показаниям письменных источников, как древнегрузинских, так и античных.

Согласно генеалогической схеме Мровели, появление овсов на Центральном Кавказе связано с вторжением скифов в Закавказье, которое Мровели относит к периоду до разгрома древнеиудейского царства Навуходоносором (VI в. до н. э.) и «еврейского пленения». В результате этого вторжения овсы (осетины) в лице их эпони́ма Уобоса, сына царя скифов, получают «часть страны Кавкаса, к западу от реки Ломеки до западных пределов гор», т. е. территорию Центрального Кавказа от р. Терека до западных отрогов Главного Кавказского хребта. «И поселился здесь Уобос. Потомками его являются овсы. Эта территория и есть Овсети (Осетия), которая была частью удела Кавкаса»⁵. С этого времени этногеографический термин «кавказианни» обозначает преимущественно овские (древнеосетинские) племена Центрального Кавказа, а также граничившую с ними на востоке часть древневайнахских племен.

Об этом же ясно свидетельствуют и данные других древнегрузинских хроник. По сообщению «Обращения Грузии в христианство» (Мокцевай Картлисай), когда под давлением государства Сасанидов в VI в. в Картли пала царская власть, здесь усилилась власть персов, которые покорили также Эрети и Армению. «Но особенно сильно они подчинили себе Картли. И проникли они (персы) к кавкасианам и воздвигли они врата Осетинские – одни большие в Осетии же, двое – в Двалетии и одни – в Парчуане Дордзокетском», а тех горцев назначили охранниками тех ворот. А главой Цанаретского ущелья посадили

другого человека, которому и подчинили это ущелье»⁶. Как явствует из текста хроники, автор «Мокцевай Картлисай» называет «кавказианами» горцев собственно Осетии, Двалетии, части Дурдзукетии и Цанарского ущелья, т. е. жителей Центрального Кавказа независимо от их этнической принадлежности.

То обстоятельство, что этнографический термин «кавказианни» не служит собирательным названием только вайнахских племен, четко иллюстрируется данными того же Мровели при описании тех или иных конкретных событий. К примеру, рассказывая о вторжении дурдзуков в Восточную Грузию в царствование Мириана (рубеж III–II вв. до н. э.), Мровели пишет, что, «воссоединившись с находившимися» в Чарталети кавказианами, дурдзуки захватили Кахети и Базалети». И далее: «За исключением Чарталети все кавказианы, перешедшие ранее на сторону Саурмага, находились твердо под властью Мириана. Собрал он их всех и нагрязнул на дурдзуков»⁷.

Обозначение жителей Центрального Кавказа, независимо от их этнической принадлежности, именем «кавказианов» в грузинских летописях четко прослеживается начиная с первых хроник вплоть до известного географа и историка XVIII в. Вахушти Багратиони. В «Описании современной Осетии» или внутреннего (центрального) Кавказа Вахушти относит к числу «кавказцев», во-первых, балкарцев (басиани), находившихся, очевидно, еще в стадии тюркизации, поскольку в языковом отношении он не отличает их от осетин (овсов) и называет их общим именем овсов. Во-вторых, собственно овсов (осетин), в том числе дигорцев (Баделидзе – Бадилатаэ, Черкесидзе – Черчесатаэ), тагаурцев, куртатинцев, алагирцев (Сидамонидзе – Сидамонтэ, Тчахилидзе – Тчахилтаэ), двалов. И, наконец, в-третьих, вайнахские племена – кистов, дурдзуков и глигвов (галгаев), которых он, однако, отличает от осетин, поскольку «они имеют свой собственный язык», отличный от овсского (осетинского)⁸.

Термин «кавказианни» грузинских источников, судя по всему, восходит к аналогичному названию «кавказцы» античных источников, хотя здесь он имеет несколько более широкое значение. Страбон, к примеру, рассказывая о племенах Центрального и Западного Кавказа, называет Диоскуриаду (совр. Сухум) общим торговым центром для племен, живущих выше ее и вблизи. По его словам, сюда сходятся «семьдесят народностей, а по словам других (писателей), несколько не заботящихся об истине – даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собой в отношения вследствие самолюбия и дикости. **Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами** (подч. нами. – Ю.Г.)». Отличие географи-

ческого термина «кавказцы» от этнического «сарматы», которые являются частью «кавказцев», совершенно очевидно.

Необходимо подчеркнуть, что Страбон – далеко не единственный из античных авторов, отметивших бытование в последних веках и на рубеже н. э. целого ряда скифо-сарматских племен на Центральном и Западном Кавказе и к югу от Главного хребта. Плиний (I в. н. э.), к примеру, в качестве непосредственных соседей талов (туалов) в Кавказских горах называет савроматов, а к западу от них – «сарматский народ эпагерритов», находившихся к северу от Питуунта (сов. Пицунда). Под савроматами Плиния, соседившими с талами (туалами) на северо-западе, в действительности скрываются аорсы, как это явствует из перекрестного сопоставления данных Плиния и Тацита и описания последним войны 49 г. н.э. на Северном Кавказе между римлянами и союзными с ними аорсами, с одной стороны, и опальным правителем Боспора Митридатом и союзным с ним сарматским племенем сираков, с другой. Именно аорсы, сыгравшие главную роль в разгроме сираков, явились этнической основой и генетическими предшественниками алан на Кавказе.

Согласно Валерию Флакку (I в. н. э.), вождь одного из аланских племен Анавсий, имя которого четко этимологизируется по-осетински, был одновременно и вождем племени гениохов. Это племя, известное античным авторам с V–IV вв. до н. э. как одно из древнеколхидских племен, к рубежу н.э. находилось в северных районах Колхиды, на территории современной Абхазии. О локализации алан на территории Северной Колхиды Валерий Флакк говорит и в другом месте своей работы. Целый ряд скифо-сарматских племенных названий упоминает в своем описании Колхиды и Плиний. Из числа этих племен особый интерес вызывают «меланхлены» (черноризцы) и «кораксы». Первое из этих названий является греческим переводом скифского племенного названия «саударата» (осет. «одетые в черное», «черноризцы»), второе сопоставляется с именем Колакся, младшего сына легендарного прародителя скифов Таргитая. Плиний локализует эти племена в районе Диоскуриады (Сухуми).

Именно отражением факта пребывания сармато-алан в северных районах Закавказья объясняется то обстоятельство, что знаменитый географ античности Клавдий Птолемей, называя территорию Северного Кавказа, в отличие от Европейской Сарматии к западу от Дона, Азиатской Сарматией, проводит ее южные границы по южным отрогам Главного Кавказского хребта, т. е. по территории расселения **кавказианов** грузинских источников и **кавказцев** Страбона. Обозначение Северного Кавказа **Азиатской Сарматией** отражало факт этнического и, главным образом, политического преобладания сарматских племен на данной территории.

Включение в состав Азиатской Сарматии Птолемея и южных отрогов Главного хребта означало, естественно, то же самое. Лишним подтверждением этого факта как раз служит вышеприведенное сообщение Страбона о принадлежности основной части населения горной зоны Иберийского царства к родственным скифам и сарматам племенам, т. е. к предкам современных южных осетин.

Такое положение сохранялось и после гуннского нашествия (последняя четверть IV в. н. э.), во многом изменившего этнографическую карту Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Согласно анонимной «Армянской географии» VII в., явившейся продолжением птолемеевой Географии в послегуннское время, кавказские аланы состояли из нескольких племен (ас-дигор, ардозцы, овсуры, двалы, кудеты, чехои и др.), часть которых локализуется на южных отрогах Главного хребта. Там же проводит автор Географии и южную границу Алании, что ясно видно из следующих слов: «Река Дракон, отделяющая Абхазию от страны Егер (Мингрелии, древнегруз. Эгриси. – Ю.Г.), вытекает из Алании», поскольку истоки р. Ингур, с которой отождествляется р. Дракон «Армянской географии», действительно находятся на южных склонах Главного хребта. То же самое относится и к истокам Риона или древнего Фазиса. Как сообщал в последней трети XVIII в. кутаисский митрополит Максим; река «Рион протекает из Осетии внутрь Имеретии через г. Кутаис. Квирила также идет из Осетии, и от одного города Кутаиса в трех верстах соединяется с Рионом». О нахождении истоков р. Риона в Осетии сообщают и другие авторы XVIII–XIX вв. Сопоставление этих данных со сведениями «Армянской географии» VII в. показывает, что начиная по крайней мере с последних веков до н.э. и вплоть до позднего средневековья южные отроги Центрального Кавказа были такой же территорией расселения алан-осетин, как и северные предгорья Кавказа.

Таким образом, данные античных, древнеармянских и древнегрузинских источников однозначно свидетельствуют о том, что начиная с последних веков до н.э. северную часть Закавказья или южных отрогов Центрального Кавказа населяли преимущественно племена скифо-сарматского происхождения, т. е. позднейшие аланы или овсы (овсни) грузинских источников. Грузинские хроники называли их также собирательным названием **кавказни-кавказиани**, т.е. «кавказцы». В точном соответствии с этим южная граница Азиатской Сарматии Клавдия Птолемея и «Армянской географии» VII в., а позднее раннесредневековой Алании (Осетии) проходила к югу от Главного хребта.

В качестве конкретного племени, населявшего территорию южных склонов Центрального Кавказа, т. е. территорию, согласно Страбону, за-

нятую родственными скифам и сарматам племенами, средневековые грузинские источники называют двалов, имя которых идентично осетинскому племенному названию **туалы**.

Кто же такие туалы-двалы? Туалами (осет. «туал, туаллаг») осетины называют в первую очередь тех своих соплеменников, которые живут в высокогорных районах Центральной Осетии в верховьях р. Ардон, начиная от Касарской теснины в Алагирском ущелье и кончая Главным Кавказским хребтом. Сюда входят Касарское и Мамисонское ущелья, Зарамагская и Нарская котловины, а также ущелья сел. Тиб, Згил, Зруг, Закка и ряд других. Эту территорию, весь Наро-Мамисонский регион, осетины называют общим именем Туал или Туалгом (букв. «Туальское ущелье»), в русской литературе известный преимущественно под названием Туалетии. Район, примыкающий к Туалу на южной стороне хребта, осетины называют «**Урстуалтæ**» – «Белые туалы» или «Белая Туалия». Урстуалта включает в себя территорию в верховьях Б. Лиавхи от сел. Згубир на юго-западе до Кельского озера и Кадласанского перевала на северо-востоке. Сюда относятся селения Едыс, Брытат, Челиат, Ерман, Кабузга, Ходз, Гæлуата и ряд др.

Туалы хорошо известны и в осетинском фольклоре, где они предстают в качестве одной из этнографических групп осетин. В этом отношении фольклорные данные полностью соответствуют показаниям письменных источников.

Исследователи, занимавшиеся историей осетинского народа, традиционно рассматривали двалов как одно из осетинских племен (Гюльденштедт, Клапрот, Сен-Мартен, Пфафф, В. Ф. Миллер, К. Кекелидзе, С. Какабадзе и др.). Основанием для этого служила, во-первых, принадлежность двалов к осетинам, подобно куртатинцам, тагаурцам, алагирцам, дигорам, джавцам, ксанцам и другим этнографическим группам осетинского этноса, и локализация территории Туалетии в Центральной Осетии, в окружении других этнографических групп осетин, во-вторых, а также отсутствие каких-либо существенных различий между говором туалов и других осетинских этнографических групп, исключая дигоров. Эта точка зрения зиждилась на данных письменных источников, языка, этнографии и фольклора.

Попытку поставить под сомнение осетинскую принадлежность средневековых туалов (двалов) первым в грузинской историографии предпринял Д. В. Гвретишвили в опубликованной в 1949 г. статье «К вопросу об этнической принадлежности двалов и времени переселения осетин (в Картли)». Цель исследования была сформулирована предельно ясно: «Если мы признаем двалов за осетин, то, естественно, мы должны со-

гласиться с тем, что осетины с древнейших времен живут на южных склонах Главного Кавказского хребта; но если подтвердится, что двалы и осетины отличны друг от друга, то тогда и вопрос о переселении осетин потребует другого решения»⁹. На основании ошибочной трактовки сведений Вахушти Багратиони (XVIII в.) о «древнедвальском языке», Д. Гвретишвили отнес этот язык и его носителей к черкесской (адыгской) группе, а появление осетин на южных склонах хребта датировал второй половиной XIII в., связывая этот процесс с нашествием монголов¹⁰.

Еще дальше пошел В. Н. Гамрекели. В специальной монографии, посвященной этнической принадлежности средневековых двалов, он пришел к заключению, что двалы, будучи сначала «обособленным иберокавказским племенем, ближе всего стояли к группе вайнахских племен». При этом, по его утверждению, под вайнахскими племенами в данном случае следует разуметь не современных чеченцев и ингушей, а «те этнические единицы иберокавказской природы, из которых позже сложилась вайнахская народность». Соответственно, начало появления осетинского элемента на юге он датировал XV–XVI вв., в результате чего и произошла, по его мнению, ассимиляция двалов осетинами к началу XVIII в.¹¹

Основным аргументом сторонников неосетинской принадлежности средневековых двалов является факт раздельного упоминания двалов и осетин в ряде письменных источников. Вряд ли надо особо доказывать, что указанный факт не может служить серьезным аргументом в этом вопросе, ибо в условиях племенной раздробленности, характерной для всего средневековья, многообразие этнической номенклатуры в рамках одного и того же этноса является более чем закономерным явлением. Наглядным подтверждением этого факта может служить этническая история любого из кавказских народов, наименования отдельных этнографических групп которых сохранились вплоть до наших дней, сосуществуя естественно с общим названием этих народов. Это в равной степени относится к грузинскому (имеретины, гурийцы, кахетинцы, картлийцы, мегрелы, сваны), осетинскому (ироны, дигоры, тагаурцы, куртатинцы, алагирцы, туалы, джавцы, ксанцы), вайнахскому, адыгскому и другим кавказским этносам.

Казалось бы, все это бесспорные истины, на доказательстве которых и не следовало останавливаться. Тем не менее, именно на указанном факте пытаются обосновать этническое различие средневековых двалов и осетин сторонники этой точки зрения. При этом весьма показательно, что такой «метод» исследования сторонники этой точки зрения применяют исключительно к проблеме соотношения между двалами и осетинами и не распространяют его на другие племенные названия, встречающиеся в тех же источниках. Делается это, конечно, не случайно, ибо аналогичный

подход и к другим племенным названиям сразу же выявляет как научную несостоятельность такого подхода, так и очень своеобразный метод цитирования источников.

Вот лишь несколько показательных примеров. Ссылаясь на армянского автора первой половины XV в. Фому Мецопского, Д. В. Гвретишвили пишет, что, по его мнению, в Грузии живут: двалы, осетины и т. д., что, якобы, свидетельствует об отмеченном армянским автором отличии двалов и осетин¹². Однако Д. В. Гвретишвили не только неточно цитирует Фому Мецопского, но фактически искажает сведения последнего. В действительности же Фома Мецопский называет нижеследующие языки или народы Грузии, которые Баграт V якобы обещал Тимурленгу обратиться в мусульманство и подчинить ему. «Они следующие: двалы, осетины, имеретины, мегрелы, абхазы, сваны, иберы, месхы».

Но если эти сведения могут служить доказательством этнического различия двалов и осетин, то естественно возникает вопрос – почему они в таком случае не являются таковыми в отношении иберов (картлийцев), имеретин, месхов, не говоря уже о мегрелах и сванах, языки которых существенно отличаются от грузинского (картлийского), хотя и принадлежат к одной языковой семье? Совершенно очевидно, что сообщение Фомы Мецопского при всем желании не может служить доказательством этнического различия двалов и осетин. Надо полагать, что Д. В. Гвретишвили прекрасно это понимал, чем и объясняется его сознательное искажение сведений средневекового армянского автора. Между тем именно на таких «доказательствах» строится вся концепция этнического различия двалов и осетин.

Другой пример. Ссылаясь на «Армянскую географию» VII в., Д. В. Гвретишвили утверждал, что «Армянская география» ничего не говорит об идентичности двалов и осетин. Наоборот, она считает их равноправными племенами...» Как доказательство наличия в высокогорной зоне Центрального Кавказа «особой этнической единицы» трактует факт упоминания двалов в «Армянской географии» и Дж. Гвасалия.

«Армянская география» действительно ничего не говорит о принадлежности двалов к аланам, как, впрочем, и против таковой. Но она равным образом ничего не говорит и о принадлежности тех или иных племенных названий, к примеру, к картвельской, вайнахской, дагестанской или сармато-аланской этническим общностям. Единственным исключением здесь является, кажется, лишь недвусмысленное отнесение к аланам племен **ашдигор**, т. е. осетин-дигоров: «...народ аланов-ашдигор». Во всех остальных случаях автор «Армянской географии» VII в., строго следуя поставленной перед собой целью, в основном перечисляет бытовав-

шие в Азиатской Сарматии, основную часть которой в этот период составлял Центральный Кавказ, племенные названия, не останавливаясь специально на их этнических связях или этнической принадлежности.

Поэтому, если на основании данных «Армянской географии» рассматривать двалов в качестве «особой этнической единицы», что подразумевает наличие у них особого языка, отличного от осетинского, то, следуя подобной методологии, каждое из племенных названий, упомянутых географией в данном регионе, также следует считать «особой этнической единицей». Вряд ли надо специально доказывать, что это в корне противоречит фактическому состоянию этноязыковой ситуации на Центральном Кавказе и Кавказе в целом в раннем средневековье. Достаточно сказать, что в таком случае следует признать, к примеру, отличными друг от друга в этническом смысле аргветцев, такуерцев, рачинцев (хебуров) и поставить под сомнение их принадлежность к картвельскому этносу. Однако такой вывод делается только в отношении двалов, т.е. является выборочным, субъективным и, следовательно, ошибочным, не отражающим существо цитируемого источника.

Впрочем, в отношении двалов «Армянская география» позволяет сделать и более конкретные выводы. Дело в том, что из данных Географии совершенно четко следует, что в эпоху раннего средневековья территория Алании, как и понятие Азиатской Сарматии, распространялась и на южные склоны Центрального Кавказа. Речь идет о том месте Географии, где говорится, что р. Дракон, отождествляемая с современным Ингуром, которая «отделяет Абхазию от страны Егер (Эгриси, Мингрелия. – Ю.Г.), вытекает из Алании».

Примеров раздельного упоминания племенных названий одного и того же этноса в одних и тех же средневековых письменных памятниках можно привести не один и не два. Ограничусь несколькими примерами из грузинских источников. Рассказывая о приеме, устроенном Тамарой и Сосланом-Давидом в честь владетеля Аррана Амир-Мирмана и Ширваншаха Ахсартана перед Шамхорским сражением, первый историк царицы Тамары пишет: «При въезде в Тбилиси им вышли навстречу овсы (осетины) и новые кипчаки; затем эры и кахи, затем картвелы, затем месхи и торельцы, шавш-клардж-таойцы, затем сомхитары, затем абхазы и сван-мегрел-гурийцы вместе с рача-такуер-маргуетцами и у ворот дворца – знать и царедворцы». А второй историк Тамары, описывая попытку Юрия Боголюбского вернуть себе власть, пишет: «В это время небольшое восстание устроили имеры и сваны... И привезли с собой русского, дабы снова воцарить его. Месхов тоже побуждали присоединиться к ним, но не смогли этого добиться... Восставших обратили в бегство...»

Но ведь на основании этих и аналогичных данных не делается вывод об этническом противопоставлении отдельных картвельских племен и этно-территориальных групп. Возникает, естественно, вопрос, почему же в таком случае такой вывод делается в отношении осетин и двалов? Это тем более поразительно, что как разобранные выше источники, так и другие, не дают для таких выводов никаких оснований. Эти источники, рассказывая о тех или иных политических событиях или описывая регионы Кавказа, в основном фиксируют существовавшие тогда отдельные племена и этно-территориальные группы и не ставят себе целью выяснение их этнических взаимосвязей и генетических корней. Вопросы же их этногенеза и этнической истории решаются на основании тех конкретных данных, которые специально этого касаются, лингвистических показаний и последующей фиксации таких племен и групп в составе того или иного кавказского этноса.

Что же касается конкретно средневековых двалов, то имеющиеся по данному вопросу источники, в первую очередь грузинские, дают вполне достаточный и показательный материал, касающийся их этнической принадлежности и взаимосвязей с осетинским этносом.

Из средневековых грузинских источников наиболее важное значение для исследуемой темы имеет «Памятник эриставов (Дзегли эриставта)» – фамильная летопись ксанских эриставов или владельцев ущелья р. Ксани с притоками. Эта летопись, составленная на рубеже (или в самом начале) XV в., повествует о происхождении Ксанских эриставов и их взаимоотношениях с двалами в XIII–XIV вв. и представляет по сути единственный источник для изучения взаимоотношений Картлийского (Востоčno-Грузинского) царства и одной из его крупнейших феодальных сеньорий с горскими племенами и в первую очередь с двалами. При описании этих отношений летопись приводит довольно обширный материал, позволяющий судить о территории двалов, их социальном строе и языковой (этнической) принадлежности.

Согласно памятнику, Двалетией называлась территория преимущественно на южных склонах Центрального Кавказа, которая простиралась от Трусовского ущелья (осет. Тырсыгом) на северо-востоке до сел. Ачабети (в нескольких километрах севернее Цхинвала) на юго-западе. Территорию Центрального Кавказа к северу от Главного хребта, которая являлась основной территорией расселения средневековых туалов, автор летописи не относит к Двалетии. Это обстоятельство объясняется, видимо, ареалом распространения сферы интересов и влияния Ксанского эриставства, которая, естественно, не переходила на севере через Главный хребет.

Двалетия, согласно тому же памятнику, делилась на Верхнюю (Магран-Двалети) и Нижнюю, соответственно и население ее делилось на «верхних двалов» (магран-двални) и «нижних двалов» (квемо-двални), или «нижних горцев» (квемо-мтиулни). Из числа населенных пунктов верхних двалов при описании похода эристава Виршела против двалов в конце XIV в. ПЭ называет сс. Брытат (Брутасшвилни), Челиат и Кабузта (Келеуркабушурни), Сохс и Тцубен (сосхоел-тцубенисхевелни), Ходз и Тцайтæ (ходжа-тцаелни), из числа нижних – Кусджыта (Кошкеби), Тли и Мугут (тливел-мугисвелни), Згубир и Рук (згубирел-рокаелни).

Сравнение ойконимов верхних двалов с ныне существующими населенными пунктами показывает, во-первых, что в этом регионе, начиная со средневековья, область Магран-Двалети не идентична Урстуалта в верховьях Б. Лиахвы, как это принято в литературе, начиная с Гюльденштедта, а занимала более обширную территорию. Включение в состав Магран-Двалети сс. Тцайтæ, Тцубен, Цхавата, Кара, локализуемых в верховьях рр. Лехура и Ксани, а также Сохс и Рук, находящихся западнее Урстуалта, показывает, что Магран-Двалети обнимало территорию горной зоны Южной Осетии, начиная от верховьев р. Ксани на востоке до Сохса, находящегося западнее Рукского перевала. Автор ПЭ именует Магран-Двалети «Верхней стороной» – «Земо мхаре», что подтверждает этимологию «Магран-Двалети» как «Верхняя Двалетия».

Анализ представленных в ПЭ топонимических названий дает прекрасную возможность проверить категорическое утверждение авторов брошюры «Исторические и политико-правовые аспекты грузинско-осетинского конфликта» о том, что «на территории бывшей автономной области нет ни одного исторического памятника осетинской материальной культуры, **все исторические топонимы – грузинские** (подч. мной. – Ю.Г. С. 13)». Приблизительно то же самое утверждает и К. Харадзе, один из авторов «Осетинского вопроса»: «Исторические источники, памятники материальной культуры, расселение населения и по сей день сохранившиеся географические названия свидетельствуют о том, что на всей территории Шида Картли (автор включает в это понятие и Южную Осетию, что далеко не одно и то же. – Ю.Г.) **вплоть до XVIII в. были распространены только грузинские топонимы**» (подч. мной. – Ю.Г. С. 151).

Не останавливаясь здесь на памятниках материальной культуры, ограничимся лишь вопросом – а кому принадлежат десятки и сотни типичных осетинских погребальных склепов – «западзов», для обозначения которых в грузинском языке не существует даже их оригинального названия¹³, и средневековых башен горной и предгорной зоны Южной Осетии? Что касается исторических топонимов, то вышеприведенные утверждения

восходят к В. Н. Гамрекели. Он утверждал, что «топонимическая номенклатура Магран-Двалети в «Памятнике эриставов» представлена двумя десятками названий, из коих ни одно не имеет ирано-осетинский облик; форма всех приведенных имен неосетинская. Даже учитывая возможную грузинизацию формы имен автором хроники и снимая грузинский налет с этих имен, все же под ними не обнаруживается, не чувствуется осетинская основа»¹⁴. Такое же утверждение содержится и в его специальной статье, посвященной анализу топонимики Двалетии¹⁵. Столь же категоричен и К. Харадзе, также полагающей, что на всей территории Шиди-Картли, частью которой он считает Южную Осетию, вплоть до XVIII в. якобы «были распространены только грузинские топонимы»¹⁶.

Представленная в «Памятнике эриставов» топонимика действительно дает прекрасную возможность для выяснения наличия или отсутствия осетинской топонимики в горной зоне Южной Осетии, соответственно, этнической принадлежности двалов, т. е. средневекового населения данного региона. Эти данные тем более показательны, что, будучи зафиксированы в хронике, созданной на рубеже XIV–XV вв., они дают возможность судить не только об этнической ситуации XIII–XIV вв., событий которых касается ПЭ, но и предшествующих веков.

Согласно ПЭ, двалы южных склонов хребта делились на «верхних» (магран-двални) и «нижних» (квемо-двални). Из числа «верхних» упоминаются: брутасшвилни, келеур-кабушурни, сосхоел-тцубенисхевелни, ходжа-тцаелни; из числа «нижних» – кошко-иосебурни, тлевцы и мугисвельцы, згубиро-рокцы, Бобалетай, Цергъуе. Большинство упоминаемых в ПЭ топонимических названий, несмотря на их очевидную грузинизацию, сравнительно легко идентифицируются с ныне существующими ойконимами в верховьях Б. и М. Лиахвы, Ксани и смежных с ними ущелий. Сохранение до настоящего времени подавляющего большинства зафиксированных в ПЭ топонимов свидетельствует об отсутствии в горной зоне Южной Осетии какой-либо существенной смены населения или изменения его этнического состава, по крайней мере с XIII–XIV вв., которые охватывает хроника.

Анализ представленной в ПЭ топонимической номенклатуры показывает, что подавляющая ее часть не только легко идентифицируется с современными ойконимами, но и без особых усилий этимологизируется по-осетински.

Так, в патронимическом названии **Брутасшвилни** – «Брутаевы» легко распознается название с. Брытат, расположенного в Урстуалта, в основе которого действительно лежит название патронимии **Брытъатæ** – Бритаевы, которое грузинский хронист правильно перевел как **Бру-**

тасшвилни. В парном названии **келеур-кабушурни** так же легко распознаются названия сел Челиат и Кабузта, расположенных в том же регионе. В основе первого также лежит название патронимии **Челита** «Челиевы», в основе второго – **къабуз** «отросток» или, возможно, **къабаз** с близким значением – «ветвь», «ответвление». Судя по всему, автор хроники хорошо знал местные условия. Это, в частности, видно из того, что названия Брытъатæ и Къабузтæ, несмотря на внешне одинаковую форму этих названий, выражающуюся в показателе множественности **-тæ**, которым они оканчиваются, он переводит в точном соответствии с их реальным значением – в первом случае как название патронимии **Брутасшвилни**, а во втором как **Кабушурни** («кабузцы»), т. е. жители сел. Кабузтæ.

Точно так же второе парное название «верхних» двалов **ходжа-тцаелни** нетрудно сопоставить с названиями сел. Ходз и Тцай (Тцайтæ). Первое из них расположено также в Урстуалта, у его северо-восточной окраины, а второе – в верховьях р. Меджуды, одного из правых притоков М. Лиахвы, т. е. вне пределов Урстуалта. Название Ходз не этимологизируется, кажется, ни из осетинского, ни из соседних языков. Что касается Тцай, то оно аналогично патронимии **Тцайтæ** «Чиавы», которые и ныне населяют его, с ясной осетинской этимологией – **тцай**, что по-осетински означает сукровицу. Название этого села известно и из «Мученичества Николая Двала» (первая половина XIV в.), происходившего из этого села. Попытка Гамрекели В. Н., считавшего, что село с таким названием якобы не существует в бассейне Б. Лиахвы, связать это название с данными нахских языков¹⁷, в свете вышесказанного представляется неубедительным.

Если вышеприведенные парные названия топонимов «верхних» двалов находятся на сравнительно небольших расстояниях друг от друга и, за исключением сел. Тцай, четко локализируются в Урстуалта, то этого нельзя сказать о топонимах **Сосх** и **Тцубен**, упоминаемых в ПЭ под именем **сосхоел-тцубенисхевни**, т. е. жителей Сосх и Тцубенского ущелья. Местность под названием Сосх, грузинской формой которого является, видимо, метатезированная форма Сосх, находится к западу от Рукского перевала и упоминается В. Б. Пфаффом как одна из вершин Центрального Кавказа¹⁸. Этимология затемнена. Близкие по звучанию топонимы отмечены Гамрекели в Лечхуми – «гора Зесхо» и в Раче – «Жешхо»¹⁹, однако для этимологии разбираемого имени мало что дают. Поскольку в ПЭ именем Сосхо называется гора на территории «верхних» двалов или в непосредственной близости от нее, то можно предположить, что Сосхо является усеченной формой от осет. «**Сос-хох** «гора Сос» и значит «молчаливая гора», как однотипно называется липа – «сос+гъæд», т. е. «молча-

ливое дерево», хотя горы под таким названием на современных картах, кажется, не значится.

Что касается топонима Тцубен, то в настоящее время селение с таким названием имеется в ущелье р. Лехура, правого притока Ксани, т. е. сравнительно далеко от Урстуалта. Этимология затемнена. В. Н. Гамрекели и в этом случае пытался объяснить это название из нахских языков. По его мнению, на основании данных современного чеченского языка это название может быть объяснено как «Тцу-бене «местопребывание божества», в котором **бене** могло означать «жилище», «квартал» и т. п.²⁰ Но в таком случае оно в точности соответствует осет. **бын** «основание», «место» и т. д., слову, относящемуся к исконному словарному фонду осетинского языка и имеющему широкие соответствия в иранских языках²¹. Поэтому, если в первой части топонима Тцубен действительно присутствует нахское название божества, то топоним в целом следует рассматривать как нахско-осетинский.

Из числа «нижних» двалов ПЭ первым называет кошкинцев и иосебурцев (кошкел-иосебурни). В первом названии под грузинской формой легко распознается ойконим Къусджытæ (букв. «ниши», ед. число – «къуск»), как называется родовое село фамилии Гаглойтæ, являющейся ветвью рода Агузата, одного из трех ведущих родов Центральной и Южной Осетии. В Къусджыта находится и родовое святилище Мыкалгабырта, имени архангелов Михаила и Гавриила, покровителей христианского войска. Этому святилищу поклонялись фамилии родов Агузата на юге и Царазонта на севере, с которыми связывалась вторая или военная функция в трехфункциональном делении древнеосетинского социума. С этим названием связана генеалогическая легенда о происхождении фамилии Гаглойта и основании данного села родоначальником фамилии. Слово имеет надежные иранские соответствия и получило распространение и в европейских языках, к нему же восходит и груз. **кошки** «башня»²². В средневековых грузинских документах Кусджыта известны под названием **кошкеби** «башни», хотя там никаких башен нет, что также свидетельствует о переосмыслении автором хроники осет. Къусджыта на грузинский лад.

Иосебурни отождествлению не поддается ввиду отсутствия в настоящее время на данной территории соответствующего топонима или патронимии. В тлевцах и згубиро-рокцах, наименования которых также происходят от ойконимов, легко просматриваются названия современных Тли, Згубир и Рук, расположенных недалеко друг от друга в верховьях Б. Лиавы у юго-западных границ Урстуалта.

Что касается названия мугисвельцев, то оно, по-видимому, является усеченной формой от груз. **мугутисвелни**, т. е. «жителей Мугутской долины». В пользу этого говорит в первую очередь существование сел.

Мугут к югу от Къусджытæ, которое зафиксировано и у Вахушти: «Немного выше Мугута Лиахва поворачивает (к востоку) и в нее впадает Кошко-хеви». Название сел. Мугут образовано по тому же принципу, что Брытат, Челиат, Болатат, Додот и т.д., т.е. является по своему происхождению патронимическим. Правда, в настоящее время существование в Южной Осетии фамилии Мугута не зафиксировано, однако она встречается среди дигорских родовых имен – Мугута, т.е. Мугуевы. По-видимому, название Мугут является одним из тех «дигоризмов», которые отмечал в юго-осетинском Г. С. Ахвледиани²³.

На территории «нижних» двалов автор хроники упоминает и ойконим **Цергъуе**, называя его вместе с принадлежащим фамилии Бибылтæ (Бибиловых) сел. Тли (тли бибилуртæ). В. Н. Гамрекели, как и в других случаях, пытался объяснить это название из нахских языков, привлекая в качестве параллелей такие топонимы, как **Черх-корт**, название горы в верховьях р. Ассы в Ингушетии (корт «гора» в кистинском) и **Черхъен** – название горы между рр. Гехи и Мартан. Для этимологии названия он привлек и факт обозначения в хевсурском и тушинском верхнего этажа дома **тчерхо**, видя в этом идентичность корней приведенных им примеров и их принадлежность к «иберийско-кавказскому» языковому кругу²⁴.

Обратись, однако, В. Н. Гамрекели к местным примерам и осетинскому языку, поиски этимологии разбираемого слова оказались бы куда успешнее. Во-первых, только в рассматриваемом регионе существуют три святилища **Цыргъы-дзуар** «святилище клинка»²⁵. Это название невольно заставляет вспомнить сведения античных авторов о поклонении скифов и алан богу войны в образе меча, воткнутого на специально сооружаемом кургане (Геродот, Аммиан Марцеллин). Практически оно почти идентично упоминаемому в ПЭ Цергъуе, причем одно из указанных святилищ находится в районе сел. Рук, т.е. на территории «нижних» двалов. Во-вторых, что тоже показательно, приводимые В. Н. Гамрекели названия гор в Ингушетии, не объясняемые им из вайнахского, легко объяснимы из осетинского (Черх-корт «острая гора») и могут служить примерами аланской топонимии к востоку от Осетии, о чем в свое время писал Б. А. Алборов. В любом случае топоним Цергъуе и фонетически и семантически этимологизируется из осетинского языка.

Что касается Тли Бибилуровых, то следует отметить, что груз. Бибилури является калькой осетинского названия фамилии Бибылта (Бибиловы). Как явствует из данных ПЭ, двалы согласились принять родоначальников позднейших ксанских эриставов Ростом и Бибилу с одним условием – назваться именем той местности, которая будет им выделена. «Тогда дали им местность Бабалетæй и назвали их Бибилурами». Нетруд-

но догадаться, что как название топонима Бабалетæй, так и фамильное имя Бибилури, упоминаемые в ПЭ, являются грузинизированными формами осетинского фамильного имени Бибылта (Бибилковы), получившими свое название от имени младшего брата. Хотя фамилия Бибылтæ является одним из колен рода Сидамонта, однако в историю она вошла под именем Бибилури. Как отмечает Вахушти Багратиони, ксанские эриставы «возводят свой род к Бибилурам...»²⁶.

Таким образом, из шестнадцати топонимических названий «верхних» и «нижних» двалов, упоминаемых в ПЭ, более половины этимологизируются по-осетински. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы сделать вывод о наличии в XIII–XIV вв. в данном регионе осетинского населения и о принадлежности двалов к осетинам. В связи с этим весьма показательным, что большинство указанных топонимов не были даже упомянуты в указанной статье В. Н. Гамрекели, ничего не говорит о них и К. П. Харадзе, посвятивший, как отмечалось выше, специальную статью происхождению и формированию топонимов Южной Осетии.

Полемизируя с моими выводами об осетинском происхождении большинства представленных в ПЭ топонимов, К. Харадзе утверждает, что «в тезисах доклада Ю. Гаглойти, напечатанных в материалах Второй республиканской конференции по ономастике²⁷, названия из вышеупомянутого источника (имеется в виду «Памятник эриставов». – Ю.Г.) выписаны неверно, следовательно, и сделанные выводы оказались неточны»²⁸. Казалось бы, чего же проще – приведи хотя бы неверно выписанные из ПЭ названия, не говоря уже об их этимологиях. Однако К. Харадзе, как это ни странно, **не приводит ни одного примера**, могущего подтвердить его полемический выпад. Не приводит, естественно, по той простой причине, что все анализировавшиеся мной названия ПЭ были выписаны в точном соответствии с их грузинским оригиналом и существующими русскими переводами, что К. Харадзе, конечно, не мог не видеть. Поэтому уже не кажется странным, когда в вышеупомянутой статье автор не приводит ни одного примера из «Памятника Эриставов», топонимические названия которого являются прекрасным материалом для суждения об этнической принадлежности средневековых двалов.

Однако ПЭ содержит не только топонимический материал, позволяющий судить об этом. Во-первых, это само название двалов. В ПЭ оно фигурирует в двух видах: **двал-ни** и **двал-та**, которые отличаются друг от друга лишь своими окончаниями, являющимися показателями множественности. В первом случае это хорошо известный, наряду с **-еби**, показатель множественности в грузинском **-ни**, во втором – столь же хорошо известный осетинский показатель множественности **-тæ** в грузин-

ском оформлении **-та**. Ясно, что наличие в одном и том же источнике двух форм имени двалов свидетельствует о том, что во втором случае мы имеем дело с калькой осет. **туалта** «туалы» и еще не завершившимся переходом осет. **туал** в **двал-и**.

Этот переход, кроме всего прочего, видимо, объясняется и фактором семантического порядка, а именно – омонимическим отталкиванием. Дело в том, что в грузинском имеется исконное **туал-и** «глаз», имеющее и ряд других значений – драгоценный камень, источник и т. д. Ясно, что в этих условиях осет. **туал** не могло долго сохраняться в грузинском и должно было перейти в **дуал-та**, **дуал-ни**, совр. **двал-ни**, что мы и имеем в настоящее время. Первичность осет. **туал** можно проследить как по данным Вахушти, у которого, наряду с Дуалети, встречается и Дуал (осет. Туал), так и фамилиям Туалели, Туалашвили рядом с Двали, Дваладзе, Двалашвили – Двалишвили, имеющими в своей основе название туал-ов-двал-ов.

Наряду с именем двалов ПЭ упоминает и одно из подразделений двалов – **шавдвални** (букв. «черные двалы»). Это название также является калькой осетинского **саутуал** «черные туалы», **«сау туаллаг** «черный туалец». В осетинской среде «черными туалами» называют жителей верховьев р. Ардона. Имя это хорошо известно как в осетинском фольклоре, так и в поэзии. Оно встречается, например, у поэта Нигера (Ив. Дзанайтты), выходца из туалльской среды: «Расскажи-ка мне, как черный туалец семенит по Касарскому ущелью с однорогими быками»²⁹.

Именно по такому принципу, надо полагать, образовано и этнотерриториальное название **Урстуалта** «Белые туалы», как называется небольшой регион в верховьях Б. Лиавхи в Южной Осетии. Хотя это название и не встречается в ПЭ или у Вахушти Багратиони, однако не подлежит сомнению, что оно столь же древнего происхождения, как и само имя туал-ов (двал-ов), и является органической частью исторической этнотопонимики Туала. Пытаясь объяснить это название из нахских языков и возражая против осетинской этимологии этого имени, В. Н. Гамрекели утверждал, что «не видно реалий для подобной семантики топонима»³⁰. Стоило, однако, сопоставить это название с груз. **шавдвални** и осет. **саутуал**, как осетинская этимология имени Урстуалта, безупречная как с фонетической, так и семантической точек зрения, становится более чем очевидной.

Как показывает сравнительный историко-этнографический материал, термины «белый» и «черный» применительно к племенным названиям употреблялись, как правило, в социальном смысле. «Белые» – это свободные общинники или верхи общества. Таковыми, к примеру, являются «белые сербы» у Константина Порфирородного (X в.), целый ряд древнеосетинских (скифо-сарматских) племенных названий типа

роксоланы «светлые аланы», **аланорсы** «аланы белые», **аорсы** «белые» и т. д. «Черные» же – это социально зависимая часть общества. Показателями этого могут служить, к примеру, русское «черный люд», тюркское «кара халк», осетинское «сау адаэм» и т. д. Именно к такому типу племенных названий, со временем трансформировавшихся в топонимы, относятся названные **саутуалта** «черные туалы» и **урстуалта** «белые туалы», что делает безупречной осетинскую этимологию топонимии Урстуалта.

Таким образом, из упомянутых в ПЭ топонимических названий горной зоны Южной Осетии более половины имеют безупречную осетинскую этимологию, другая часть или имеет осетинское звучание или же не поддается этимологизации ни на осетинском, ни на вайнахских языках. Наличие осетинской топонимики в указанном регионе, отмеченное в созданном на рубеже XV в. ПЭ, повествующем о событиях XIII–XIV вв., ясно свидетельствует о наличии осетинского населения на южных склонах Центрального Кавказа в указанный период. Эта же топонимика служит одним из доказательств осетиноязычности двалов, хотя и не предпринимает его.

Однако о наличии осетинского населения в указанном регионе в средневековье и осетиноязычности двалов свидетельствуют и другие данные ПЭ. Это в первую очередь употребление автором ПЭ имени двалов в именительном падеже множественного числа в двух формах – **двал-ни** и **двал-та**. В первом случае в окончании имени двалов мы имеем показатель множественности в грузинском **-ни** (наряду с **-еби**), во втором случае – показатель множественности в осетинском **-тæ**. Из одиннадцати случаев упоминания имени двалов во множественном числе автор ПЭ в пяти случаях употребляет форму **двалта**, т. е. в точном соответствии с первоисточником – осет. **туалтæ**. Этот факт ясно свидетельствует о том, что лиахвские двалы, подобно своим северным соплеменникам, называли себя туалами, как называют себя и сейчас жители Наро-Мамисонской котловины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. ЦАГАРЕЛИ А. Грузия. Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона, т. IX А, 1893. С. 796; ДЖАНАШИЯ С. Труды (на груз. яз.). Тбилиси, 1949. С. 148–149; БОЛТУНОВА А. И. Об этническом составе эллинистической Иберии по данным литературной традиции. КСИИМК, XXIV, 1949. С. 20; ЕГО ЖЕ: Рабовладельческие государства Закавказья в последних веках до н. э. и их борьба с экспансией Рима. «Очерки истории СССР». М., 1956. С. 425; ЕЛЬНИЦКИЙ Л. А. Знания древних о северных странах. С. 149.

² ГАГЛОЙТИ Ю. С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья. ИЮОНИИ. Вып. XI, 1962. С. 166.

³ КЕКЕЛИДЗЕ К. С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонтия Мровели. «Труды», т. III, Тбилиси, 1955. С. 98.

⁴ ЦУЛАЯ Г. В. Леонтий Мровели. «Жизнь картлийских царей», М., 1979. С. 43–41, пр. 7; ЕГО ЖЕ: Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели (Этнокультурный аспект). «История СССР», № 4. 1987. С. 183.

⁵ Картлис цховреба, т. I. С. 12.

⁶ ТАКАЙШВИЛИ Е. Описание рукописи общества распространения грамотности среди грузин (на груз, яз.), т. II, вып. IV. С. 723.

⁷ Картлис цховреба, т. I. С. 28.

⁸ Там же, т. IV. С. 653.

⁹ ГВРИТИШВИЛИ Д. В. Очерки по истории Грузии XIII–XIV вв. (на груз, яз.), Тбилиси, 1962. С. 271–272.

¹⁰ Там же. С. 270–275.

¹¹ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. Тбилиси, 1964.

¹² ГВРИТИШВИЛИ В. Д. Цит. раб. С. 271.

¹³ Груз. **аклдама** «склеп», судя по всему, заимствована из древнееврейского, где **аклдама** – «земля крови».

¹⁴ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. С. 120.

¹⁵ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу топонимики Двалети (на груз. яз.). Труды Института истории АН ГССР, т. IV, вып. I, 1958. С. 45–70.

¹⁶ ХАРАДЗЕ К. П. Происхождение и развитие топонимов Шида Картли// Осетинский вопрос, Тбилиси, 1994. С. 181.

¹⁷ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу топонимики Двалети. С. 52–53.

¹⁸ ПФАФ В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии, ССК, т. I. 1871. С. 155.

¹⁹ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

²⁰ Там же. С. 56–57.

²¹ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С. 278–279.

²² Там же. С. 642–643.

²³ АХВЛЕДИАНИ Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку, т. I, 1963. С. 58.

²⁴ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

²⁵ См: ЦХОВРЕБОВА З. Д. Материалы по топонимике и гидронимике Южной Осетии. ИЮОНИИ, вып. XVI, 1969. С. 179.

²⁶ Картлис цховреба, т. IV. С. 34.

²⁷ ГАГЛОЙТИ Ю. С. К изучению топонимики Двалети (по данным «Дзегли Эриставта»), Тез. докл. II респуб. науч. конф. по ономастике, Тбилиси, 1989. С. 43–44.

²⁸ ХАРАДЗЕ К. П. Цит. раб. С. 160.

²⁹ НИГЕР. Полн. собр. соч. Т. I. Дзауджикау, 1965. С. 34.

³⁰ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

YU.S. GAGLOYTI

**THE INFORMATION OF STRABO ABOUT
THE HIGHLANDERS OF ELLINISTIC IBERIA**
(Izvestia YUONII after z.n. VANEEV. vol. XXXV, 1998)

SUMMARY

The first reliable written sources about South Ossetians refer to the last ages B.C. This was a period of intensive intrusion of the Sarmatian tribes into the mountains of the Central Caucasus, which had been accompanied by their settling on the southern declivity of the Main Caucasian range.

The Medieval georgian sources pointed “Dvals”, which name is identical to Ossetian tribal name “Tual” (one of the ethnographic groups of Ossetians) as a concrete tribe, inhabited the territory of the southern declivity of the Central Caucasus i.e. the territory, according to Strabo, hold by relative tribes – Scythians and Sarmatians.

More than a half from “Eristav Monument's” toponomical names of the mountain zone of the South Osetia has perfect Ossetian etymology, the other part has either Ossetian sounding, or can't be explained from neither Ossetian, nor Vainah languages. From the eleven references of the name “Dvals” in plural the author of the georgian medieval source in five cases used the form “Dvalta” i.e. in exact correspondence with Ossetian “Tualta”. This fact clearly indicates that Liahvian “Dvals”, like their northern relatives called themselves “Tual”, the name which is presently used by the inhabitants of Naro-Mamison hollow.